

*Степан Шамин*

**Рец. на: Д.В. Сень. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII—XVIII в.). Избранные труды. Ростов н/Д: Альтаир, 2020. 420 с.**

*Stepan Shamin*

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*

**Rec. ad op.: D.V. Sen'. Russko-krymsko-osmanskoeye pogranich'ye: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konets XVII—XVIII v.). Izbrannyye trudy. Rostov-on-Don, 2020**

DOI: 10.31857/S086956870017371-9

В конце 2020 г. из печати вышла книга ростовского историка Д.В. Сенья, в которой автор формулирует предмет исследования следующим образом: «Ключевая тема издания — история южного пограничья и нового пограничного порядка, возникающего в пространстве межгосударственного противостояния и договоров России, Крымского ханства и Османской империи, начиная с конца XVII в.» (с. 4). Важным достоинством работы является рассмотрение исторических событий конца XVII — начала XVIII в. в их неразрывной связи. Обычно историки сосредотачиваются или на Московской Руси XVII в., или на истории Российской империи XVIII столетия. Это обусловлено как господствующими представлениями о цивилизационном разрыве между петровской и допетровской Россией, так и особенностями архивных материалов — источниковая база для изучения двух эпох весьма различна. Попытки работать «на стыке веков» оборачиваются необходимостью обращаться к архивам, расположенным в различных городах. Достоинством книги Сенья является широкое использование архивных материалов как из Москвы и Петербурга, так и из ряда местных

архивов, что делает книгу крайне ценной для всех специалистов по изучаемой теме.

Из череды публикаций, посвящённых политической истории, работе Сенья выделяет необычный «региональный» ракурс. Традиционно в книгах по политической, а особенно внешнеполитической и военной истории преобладают «взгляды из столиц» — Москвы, Петербурга. Подобный подход естественен, ведь внешняя политика проводится центральным правительством, а не местными властями. К сожалению, такой подход не всегда работает при изучении ранних периодов истории России, особенно если бои шли в зонах, плохо контролируемых центральным правительством (так называемых фронтах).

В качестве примера исторических искажений, связанных с недостаточным вниманием к региональной истории, можно привести русско-турецкую войну 1686—1700 гг.<sup>1</sup>, отдельные эпизоды которой впервые подробно освещены в рецензируемой книге. Долгое время эта война рассматривалась в виде отдельных военных акций — Крымских экспедиций кн. В.В. Голицына, Азовских походов Петра I. Логика такого построения истории

понятна — война появляется «на радарах» исследователей, когда большое войско идёт из Москвы. При столкновении с очагами боевых действий вне прочерченных этими «походами» линий учёными предпринимаются попытки расширить географию в наименовании «похода». К примеру, петербургская исследовательница А.В. Багрова в недавней работе взяла в качестве темы исследования «Азово-Днепровский поход»<sup>2</sup>, что позволило ей рассматривать бои на Украине, не ломая привычной концепции «походов». Между тем война шла постоянно, на протяжении всего означенного периода и по всей линии соприкосновения противников. В промежутках между большими походами, начинавшимися в столице, боевые действия велись расквартированными в других регионах воинскими частями — войсками Белгородского разряда, городскими стрелецкими и солдатскими полками, казаками, калмыками, черкесами, представителями различных групп татар и других народов. Многие из этих сюжетов освещены и в работе Сеня.

Разумеется, военные ресурсы на местах оказывались существенно меньшими по сравнению с теми случаями, когда крупные операции инициировались в Москве и приобретали общенациональный характер. Стратегически важные операции, как правило, проходили именно по инициативе центральной власти. Однако при этом из поля зрения историков исчезала повседневная жизнь региона, где текущие сравнительно мелкие события переворачивали ход жизни местного населения. Подводя итоги войны, зачастую невозможно понять, почему сбалансированные соглашения, заключённые опытными дипломатами из Москвы и Стамбула, так тяжело реализовывались на практике, а то и вовсе оказывались сорванными.

Между тем исследование Сеня посвящено «реакциям местного населения, прежде всего номадов и казаков, на трансформацию степного пограничья и собственного уклада жизни, случившихся, в первую очередь, под влиянием внешних факторов военно-политического характера» (с. 4). Под «реакциями» понимается не только приспособление к переменам, происходившим во время русско-турецкой войны 1686—1700 гг. и в последующие десятилетия, но также стремление жителей пограничья (по обе стороны демаркационных линий) скорректировать курс центральных властей, а то и обратить перемены вспять. Работа Сеня позволяет понять, почему войны между Российской и Османской империями возобновлялись в последующие периоды.

Книга в значительной степени собрана из материалов, уже опубликованных автором ранее в виде статей. Их объединение под одной обложкой удобно, поскольку часть исследований Сеня вышла в региональных сборниках, недоступных широкому кругу историков. Однако публикацию нельзя назвать простым повторением вышедших статей. Автором сделаны существенные добавления, важен и сам факт нового структурирования информации. Изначально научные интересы Сеня были сосредоточены на истории казачества. Работая над темой, он увидел, что понять историю казаков невозможно без учёта окружающего контекста, и это вывело его на региональную историю во всём её многообразии.

К сожалению, «сборный характер» книги влечёт за собой и естественные для такого подхода недостатки. Первый из них — периодическое повторение информации. Второй — неполнота данных, связанная с тем, что у Сеня имеется большое число публи-

каций по данной теме, не вошедших в монографию. В результате читателям придется обращаться также и к публикациям автора, указанным в примечаниях. Не все из них легко доступны. Информация по некоторым важным вопросам не всегда в должной мере систематизирована.

Рассмотрим несколько затронутых Сенем тем, представляющихся перспективными, но не до конца проработанными. Автор вводит в научный оборот большой объем новых данных о переводчиках и толмачах российского Азова. Его внимание к данной теме естественно, поскольку в новых политических условиях азовским властям приходилось заново выстраивать международные коммуникации. Исследователь пришёл к обоснованному выводу, что «документальные сведения о русских и нерусских толмачах и переводчиках свидетельствуют о том, что к началу XVIII в. ситуация с их хронической нехваткой в Азове существенно улучшилась» (с. 120).

Однако, к сожалению, публикация Сеня не всегда позволяет разобратся в том, какой статус имели упоминаемые им толмачи и переводчики. Московские власти в конце XVII в. использовали различные практики, позволявшие обеспечить потребности местных и центральных властей в услугах переводчиков<sup>3</sup>. В рассматриваемый период столичный Посольский приказ имел скромный постоянный штат специалистов по переводу. Они работали в Москве и посылались на службы в составе посольств или действующей армии. Несколько иначе выглядела ситуация в отношении таких пограничных городов, как Новгород, Псков, Архангельск, Смоленск, где переводчики требовались постоянно и назначались из Посольского приказа. Командированные сохраняли организационную связь с приказом, однако жалованьем их обеспечивали местные

власти. В качестве третьего варианта можно привести города на восточных и южных границах России, такие как Астрахань или Тобольск. В Астрахани власти полностью контролировали деятельность переводчиков. На месте решались вопросы об их приёме на работу, денежном вознаграждении, отставке. Из данных Сеня складывается впечатление, что в конце XVII — начале XVIII в. в Азове можно увидеть все описанные варианты. Изначально в поход отправлялись штатные переводчики Посольского приказа. В дальнейшем мы видим как длительные командировки, так и использование местных кадров, не связанных с Москвой. Очевидно, что в какой-то момент азовские власти перестали зависеть в этом отношении от столицы и стали опираться на внутренние ресурсы. Чёткого ответа на вопрос, как эти системы сменяли друг друга, в рецензируемой книге нет. Возможно, это будет показано в ходе дальнейших исследований.

Вопросу «военного лидерства в пространстве южного пограничья» Сеня посвятил отдельный раздел своей работы, фактически же он рассматривает эту тему на протяжении всей книги. Такое внимание к проблеме правомерно, поскольку именно вокруг местных лидеров группировалось население региона; они становились выразителями общих интересов. К сожалению, проанализирован вопрос не вполне равномерно. Огромный объем интереснейшей информации посвящён яркому представителю крымской политической элиты султану Бахты-Гирею. Более обобщённо говорится о казачьих атаманах, в первую очередь о лидерах старообрядчества. Ещё меньше внимания уделено различным группам ногайцев. Автор владеет информацией по данному вопросу, однако она не структурирована. К примеру, имя Кубека аги (Кубека

мурзы) упоминается Сенем в разных контекстах более 30 раз. В одном из разделов книги автор пишет: «Сейчас нет возможности однозначно идентифицировать в одном лице Кубек агу и Кубек мурзу» (с. 33). Однако, судя по контексту упоминания этого имени в других разделах книги, он все-таки склоняется к тому, что это один человек. Полностью поддерживая данную точку зрения, представлю читателю краткий обзор биографии этого выдающегося политика и военачальника, используя в первую очередь архивные материалы.

Пожалуй, самое любопытное из наблюдений касается происхождения будущего аги и мурзы. Он был выходцем из простых кочевников. Один из пленников, много лет проживший на Кубани, рассказывал: «А что говорят о Кубеке, будто тот Кубек ага, а иные мурзою его называют, и тот де Кубек самой простой человек, черной татарин, а славен для того, что он бывает в военном промысле самовольно, и охотники пристают к нему многие для своих нажитков, где бы побить кого и грабить»<sup>4</sup>.

Впервые информация о Кубек аге появилась в отписках и расспросных речах донских казаков в первой половине 1692 г. В это время он действовал во главе небольшого отряда азовской конницы, к которому присоединялись калмыки хана Аюки. В мае 1692 г. «Кубек ага с азовцы, да аюкаевых калмыков было с ним с сорок человек» ходили под Астрахань, где взяли 130 человек полона<sup>5</sup>. Летом того же года «пошел из Азова Кубек ага, а с ним азовцов 100 человек да Аюкаевых калмыков с 50 человек войною под государевы украинные города»<sup>6</sup>. В последних числах октября, когда турки в очередной раз пришли под казачью столицу Черкасск, Кубек назван «бешленским агой», т.е. командиром небольшого конного отряда. Однако его

имя уже выделяется из числа таких же командиров: «Азовцы... собрався всем городом... Кубек ага и инья многия бешленския аги»<sup>7</sup>. В другом месте он назван единственным руководителем похода: «Из Азова бешленской ага Кубек, а с ним азовских татар, и турок, и аюкиных калмыков с 500 человек». Причём находящихся под его командованием воинов было уже значительно больше, чем в начале года. Сообщая о ранении Кубека, российский источник называет его «славным»: «Самого де у тех татар начального и славного человека и приводца первого у них бусурман, о котором у них великая слава, Кубек агу, ранили, перебили правую руку ис пищали, и аргамак под ним убили, и с того погрому ушел он пеш»<sup>8</sup>.

Перед походом на Черкасск Кубек совершил ещё одно деяние, оказавшее влияние на политическую обстановку в регионе и карьере самого Кубека. В сентябре 1692 г. он «перевел» живших на реке Аграхани недалеко от побережья Каспийского моря во владениях кумыкского шекала Будая казаков-старообрядцев на Кубань: «Раскольщики аграханцы Левка Маницкой с товарищи с 200 человек пришли от шекала на Кубань реку, к вору к Савке Пахомову, которых перевел азовский Кубек ага с азовцы. И хотят им зделать городок близ моря у Черной протоки, чтоб казакком на море ход затворить и помеху чинить, и до неприятельских жилищ не допускать. А которые не хотели на Кубань идти, а хотели от него, Левки, отстать, и он их за крепкими караулы провел, да от него ушли два человека к ним в войско и великим государем во всем воровстве своем вины принесли. И войском их приняли, и велели жить, где которой жил, по-прежнему»<sup>9</sup>.

В мае 1693 г. Кубек ходил в набеги на российское Поволжье уже не только с калмыками, но и с русскими

старообрядцами — кубанскими казаками. Наличие старообрядцев в отряде Кубека помогло ему совершать нападения внезапно: «Азовские люди и Кубек ага их врагов креста Христова кубанцов великую помощь себе имеют к разорению христианского народа, потому что всякия пакости и разорения чинят все обманами»<sup>10</sup>. Следующий документ позволяет предполагать, что к концу 1693 г. Кубек уже занимал должность бея Азова. Его отношения со старообрядцами стали особенно тесными — он поселился в старообрядческом городке, снабдив его артиллерией: «А владетель де над ними, роскольщики, Кубек ага, которой беи в Азове. И даны ему в тот городок для обороны пушки и янычяня. И живет тот Кубек ага в том городке»<sup>11</sup>. В одном из документов указано, что жить к старообрядцам Кубек переберётся со «всею своим кочевьем»<sup>12</sup>. Здесь «турецкий» бей и ага впервые упоминается как властитель группы ногайцев.

Впрочем, Азовом Кубек управлял недолго. В 1695 г., во время первого похода русской армии на Азов, он уже командовал одним из трёх отрядов конницы противника, атаковавшей российские позиции с тыла, со стороны степей. Об этом сообщил П. Гордон: «Они расположились в 3 разных местах невдалеке друг от друга; всего их не свыше 3 или 4 тысяч человек — азовские турки и татары отдельно, [Нурадин-]султан с его татарами сам собою, и Кубек-мурза с его калмыками в другом месте». Хотя отряд Кубека назван третьим, очевидно, что его численность значительна, а статус командира — высок. Но, пожалуй, самое любопытное изменение — перемена в титулатуре. Ориентированная ранее на турецкую традицию («ага»), она изменилась на татарское «мурза», что подчёркивало его связь с ногайцами. Позднее он выступает в документах то

«агой», то «мурзой». Во время осады Кубеку предлагали занять пост азовского бея, но он отказался<sup>13</sup>. В начале 1696 г. (зимой) Кубек приходил в Азов после очередного похода на русские земли<sup>14</sup>, однако в городе не остался, что спасло его от пленения во время похода русской армии 1696 г. После этого казаки-старообрядцы предприняли попытку перейти от Кубека в Крым и служить непосредственно хану, но тот им отказал (с. 163). Представляется, что рост могущества Кубека плохо отразился на его отношениях со старообрядцами. Не позднее 1697 г. ага попытался брать с казаков налоги, и им пришлось обращаться за защитой к хану<sup>15</sup>. Обстановка политической нестабильности, в которую Прикубанье погрузилось после взятия русскими войсками Азова, заставляла Кубек агу бросаться из стороны в сторону. В 1701 г. он участвовал в разгроме ногайцев, желавших уйти в российские владения, при этом в его отряде находились и казаки-старообрядцы. В начале XVIII в. он сам неудачно пытался перейти под покровительство России (с. 33, 103—104, 189—200).

За десятилетие Кубек сделал впечатляющую «карьеру» от командира небольшого отряда азовской конницы до политического деятеля, оказывавшего существенное влияние на ситуацию в регионе. К сожалению, мы не знаем его этнической принадлежности — на службу в Азов попадали представители самых разных народов. Вероятно, он был ногайцем. Его политический подъём определялся умением выстраивать отношения с представителями разных народов — турками, калмыками, русскими казаками, крымскими татарами, кубанскими ногайцами. В этом ярко проявилась специфика изучаемого региона. Пока непонятно, что позволяло Кубеку выстраивать эти связи. Неизвестно, на каких языках он мог разговаривать.

В одном из разделов Сень упоминает в качестве не требующего доказательств факта, что ага не владел русским языком (с. 103—104). Представляется, что с подобным выводом торопиться нельзя. То, что Кубек не только стоял во главе старообрядцев, но и какое-то время жил с ними в одном городке, заставляет предполагать, что русским языком он владел по меньшей мере на начальном уровне. Возможно, это способствовало появлению у него мысли о переходе в российское подданство. Как видим, книга Сенья содержит богатый материал о ногайцах, при соответствующем скромном дополнении дающий возможность характеризовать не только крымских и старообрядческих лидеров, но и вождей этой, не менее важной, группы местного населения.

Ещё одна неоднократно поднимаемая Сенем тема — «переход через границу». То, что после многих лет яростных сражений с российскими войсками Кубек захотел перейти под покровительство Москвы, не кажется странным, а вполне вписывается в специфику региона. Люди здесь относительно легко переходили границу даже во время войны. Сень внимательно рассматривает этот феномен на примере ахреян — русских и украинцев, находившихся на службе у турецких властей. Как показывает исследование Сенья, сам термин вводился в практику документооборота российскими приказными служащими. Следует помнить, что в эпоху становления национального государства бюрократия была одной из социальных групп, в которой складывались представления о государственном интересе. Государственные, а позднее национальные ценности выступали в качестве оппозиции ценностям семейным, родовым, клановым, конфессиональным, отражавшим интересы более узких групп. В качестве гипотезы пред-

положу, что для многих жителей пограничья личные и групповые ценности были гораздо более актуальными, чем национальные, государственные или даже религиозные. Соответственно, переход на службу к противнику нельзя рассматривать в современных категориях «измены» и «предательства», поскольку они подразумевают взаимные обязательства между человеком и государством. Между тем Османская или Российская империи могли дать жителям своей периферии гораздо меньше, чем государства современного типа. Понять мотивы тех или иных поступков жителей пограничья можно, анализируя жизнь малых групп более подробно.

К примеру, в приводимой Сенем «Распросной речи кубанского ахреяна Ф.С. Горбуна в Большом полку воеводы боярина А.С. Шеина» рассказывается о том, что «в прошлом в 204-м году, как великого государя ратные люди Азов взяли, и с реки Кубани многие охреяны пошли в Кумыки к шевкалу, и на Терек, и в Астрахань, а из Астрахани пришли на Дон» (с. 65). В примечании историк отмечает, что «другие источники не подтверждают массового возвращения казаков-старообрядцев в Россию в 1695—1697 гг.» (с. 72). Привлечение дополнительных документов позволяет понять, о каких событиях в данном случае идёт речь. В октябре 1694 г. у тарковского шевкала Будая жили более 20 аграханских казаков, а также чернецы и старицы<sup>16</sup>. Судя по всему, это та группа старообрядцев, которая пришла в Астрахань не позднее 12 августа 1696 г.<sup>17</sup> Более подробно о ней 7 сентября 1696 г. писали из Астрахани «околничей и воевода Иван Алексеевич Мусин-Пушкин с товарищи». Они сообщали, что «воровские казаки-расколшики, которые жили во владенье тарковского Будая шевкала на Аграхане-реке, великому госуда-

рю в винах своих доби́ли челом и от воровства своего престали, и убрався ночью, от шевкала ушли на Терек. А с Терека воевода Иван Кроткой да дьяк Андрей Молчанов писали в Астрахань и прислали тех аграханских казаков двадцать семь человек, и в том числе шесть человек з женами и з детми, да двух старцов, да две старицы. И великий государь указал тем аграханским казаком, которые были в измене и жили в шевкалове владенье на Аграхане, и отстав от воровства, приходили на Терек, а с Терека в Астрахань, сказать ево великого государя указ». Их простили и отправили на Дон<sup>18</sup>. Более подробно о жизни этой группы узнаём из расспросных речей старцев Закхея и Герасима<sup>19</sup>. К сожалению, документ не имеет начала и конца. В основном сохранилась информация о Закхее. Старец сообщал, что пришедшие с ним казаки после ухода с Дона жили на Аграхани. Когда в 1692 г. Будай согласился выдать аграханских казаков российским властям, те ушли вместе с Кубеком на Кубань. Однако уже на следующий год часть ушедших вернулись на Аграхань к шевкалу.

Жизнь у шевкала с 1693 г. Закхей описывает следующим образом: «Жил на Аграхани реке простым старцем, а священного ничево не действовал. И будучи де на Аграхане реке... времена з донскими казаки и з домовыми людьми он, Закхей, мыслили ко обращению, как бы, улуча время, принести великим государям вины». Возможность повиниться у Закхея появилась после того как на Аграхань пришёл казак Сенька, ранее ходивший с Дона на Аграхань и обратно. События развивались быстро: «Как де приехал к ним на Аграхань-реку казак, нынешней атаман Сенка, и сказал ему, Закхею, тайно, что он приехал для того, чтоб знакомцов своих тутошних аграханских жителей обратить к ис-

тине, чтоб они от воровства отстали и принесли великим государем вины, и чтоб он, Закхей, в том ему, Сенке помогал. А он де, Закхей, и наперед де сам с ним, с Сенкою, о том возвращении советовал же. И помалу де нарочиты семейным говорил... Чтоб дело в совершенство привести, выбрали иво, Сенку, атаманом. И почал сам о том советовать явно, и, советовав, пошли на Терек»<sup>20</sup>. Новые сведения об этих событиях у нас появляются благодаря тому, что старцев, в отличие от простых казаков, не отпустили на Дон, а отдали «под начал» в астраханский Троицкий монастырь. Закхей вскоре бежал из обители. Поймавшим его татарам он сказал, что шевкал даст за него выкуп в 100 руб. Но самое интересное — новое объяснение мотива появления в Терках, а потом и в Астрахани. Старец говорил, что казаки его увезли от Шевкала *неволей*<sup>21</sup>.

Приведённые данные (в основном известные Сеню, если судить по имеющимся в его статьях ссылкам) позволяют выявить систему отношений внутри групп казаков-старообрядцев. В них существуют лидеры, которые или ведут казаков за собой, или же, в случае принципиальных разногласий, покидают группу. Благодаря сохраняющимся личным связям ушедший мог не только вернуться, но и при изменении настроений внутри группы возглавить её. Перемена курса происходила постепенно. Она началась в рамках бесед между наиболее авторитетными членами сообщества, а потом оформлялась в виде избрания нового лидера. При этом значение коллективного решения оказывалось выше, чем верность текущему сюзеру (в рассмотренном случае — шевкалу Тарков), и даже важнее, чем религиозные убеждения. Предположу, что мозаичность и переменчивость жизни пограничья объясняется тем, что аналогичные системы ценностей были

присущи и другим группам местного населения. Однако данная гипотеза требует дополнительного исследования.

Книга Д.В. Сеня не только представляет читателю большой объём материала по заявленной проблематике, но и ставит новые вопросы, нуждающиеся в изучении. Собранные учёным данные открывают большие исследовательские перспективы. Очевидно, что использованные им в различных публикациях архивные материалы позволяют в перспективе проработать поставленные проблемы ещё более глубоко.

### Примечания

<sup>1</sup> Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686—1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30—49.

<sup>2</sup> Багро А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

<sup>3</sup> Гуськов А.Г., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа в 1680-х — 1690-х гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 1. С. 108—122.

<sup>4</sup> РГАДА, ф. 210, оп 12, ч. 3, д. 1466, л. 318.

<sup>5</sup> Там же, ф. 111, оп. 1, 1692 г., д. 2, л. 11.

<sup>6</sup> Там же, л. 6.

<sup>7</sup> Там же, д. 3, л. 123.

<sup>8</sup> Там же, л. 139, 140.

<sup>9</sup> Там же, л. 142—143.

<sup>10</sup> Там же, 1693 г., д. 10, л. 2, 3

<sup>11</sup> Там же, д. 11, л. 371.

<sup>12</sup> Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12348, л. 1—2.

<sup>13</sup> Гордон П. Дневник 1690—1695. М., 2014. С. 389, 396.

<sup>14</sup> РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 71.

<sup>15</sup> Сеня Д.В. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. — начало XVIII в.) // Липоване: история и культура русских старообрядцев. 2009. № 6. С. 20.

<sup>16</sup> Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 12703, л. 2.

<sup>17</sup> Там же, д. 13159, л. 1.

<sup>18</sup> РГАДА, ф. 111, оп. 1, 1695 г., д. 12, л. 118, 119.

<sup>19</sup> Сеня Д.В. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2(41). С. 50.

<sup>20</sup> Архив СПбИИ РАН, ф. 178, оп. 1, ч. 13, д. 13158.

<sup>21</sup> Там же, д. 13159, л. 2—4.

Фёдор Гайда

**Рец. на: Ф.А. Селезнев. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914—1918 гг.). СПб.: Алетейя, 2017. 178 с.**

Fyodor Gayda

(Lomonosov Moscow State University, Russia; Saint Tikhon Orthodox University, Moscow)

**Rec. ad op.: F.A. Seleznev. Revolyutsiya 1917 goda i bor'ba elit vokrug voprosa o separatnom mire s Germaniyei (1914—1918 gg.). Saint Petersburg, 2017**

DOI: 10.31857/S086956870017296-6

Работа Ф.А. Селезнёва написана на стыке истории дипломатии и внутренней политики и опирается на положения теории элит (с. 6—12). В центре внимания автора — влияние внешней поддержки на действия российской «контрэлиты», которую составляли «отторгнутые от власти носители политической энергии», в период

Первой мировой войны, ставшей, по мнению исследователя, решающей причиной революции 1917 г. При этом он в самом начале книги особо отмечает, что все сторонники исполнения союзнических обязательств потерпели в России поражение, верх же одержала та сила, которая пошла на заключение сепаратного мира (с. 6).